

На правах рукописи

МАСЛОВА Елизавета Геннадьевна

**ТРАДИЦИИ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАННОМ
ТВОРЧЕСТВЕ Т. МОРРИСОН 1970 – 1990-х ГОДОВ**

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература США)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2012

Работа выполнена на кафедре литературы и методики обучения литературе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» (МордГПИ) Министерства образования и науки Российской Федерации

Научный руководитель: – доктор филологических наук,
профессор
Осовский Олег Ефимович

Официальные оппоненты: – доктор филологических наук,
профессор
Бронич Марина Карповна

– кандидат филологических наук,
доцент
Карасик Ольга Борисовна

Ведущая организация: **Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова**

Защита состоится _____ 2012 года в __ часов __ минут на заседании диссертационного совета Д 212.081.14 в Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Татарстан, 2, ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, ул. Кремлевская, д. 35).

Автореферат разослан « » ноября 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Р. Л. Зайни

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тони Моррисон (Toni Morrison, р. 1931) – выдающаяся писательница современности, признанная фигура в литературе и культуре США второй половины XX – начала XXI столетий, первая афроамериканка – лауреат Нобелевской премии по литературе (1993), обладательница Пулитцеровской премии (1988) и других престижных наград. Ее творчество, представленное романами, эссе, публицистикой, драматургией, получило высокую оценку критики и традиционно пользуется успехом у американского читателя. Основные произведения Моррисон переведены на русский язык.

Среди важнейших художественных открытий Моррисон – изображение афроамериканки как хранительницы коллективной памяти, национальных обычаев и традиций, осознание ее места в современном мире; новаторские приемы поэтики, сочетающей смелый литературный эксперимент и фольклорную традицию; острота реакции на социальные и культурные потрясения в стране и в мире. Целостный анализ позволяет глубже проникнуть в творческий мир писательницы и представить детализированную картину развития американской литературы в 1970 – 2000-е гг., что определяет **актуальность** нашего исследования.

Пристальный интерес писательницы к духовному и историко-культурному наследию «черной» Америки, возрождению этнического самосознания ее народа определяет значительную долю фольклорного и мифологического в большинстве ее романов. Подчеркивая уникальность культурно-исторического опыта афроамериканцев, специфику негритянского мировосприятия с его неотъемлемой верой в магию и миф, Т. Моррисон органично сочетает реалистические бытописания с элементами сверхъестественного, опирается на афроамериканскую устную традицию, исследует и развивает фантастику народных поверий. Все вышеперечисленное свидетельствует как об уникальности творческого видения Моррисон, так и о преемственности общей для литературного сознания XX века традиции магического реализма со свойственным ему соединением фольклорно-мифологического, фантастического и конкретно-реального. Пристальное изучение данного феномена позволяет, с одной стороны, проследить эволюцию соответствующей художественной традиции, активно развивающейся в мировой литературе XX – XXI столетий, с другой – исследовать ее в контексте литературного процесса США второй половины XX в., расширив современное научное представление о характере развития литературного сознания 1970 – 1990-х гг.

Стремясь осмыслить всю широту идейно-художественных взглядов писательницы, литературоведы рассматривают самые различные компоненты ее творчества. При этом в центре внимания большинства исследователей оказываются такие аспекты, как тематика и проблематика произведений, связь с африканским и афроамериканским культурным наследием, значимость устной традиции, близкие джазу и блюзу композиционное оформление и

повествовательная техника; рассматривается влияние, которое Моррисон оказала на современную литературу США¹.

Серьезным вкладом в изучение творчества Моррисон явились многочисленные коллективные монографии, справочные издания, сборники статей и эссе, среди которых наиболее ценными представляются книги Н. Маккей², Д. Л. Мидлетона³, Л. Пича⁴, Х. Блума⁵, Дж. Талли⁶, а также «Энциклопедия Тони Моррисон»⁷ – фундаментальный справочник, дающий целостное представление обо всех основных аспектах творчества Моррисон.

Большое количество зарубежных исследователей обращается к вопросам связи романов Т. Моррисон с мифологией и народной культурой⁸, некоторые рассматривают ее творчество непосредственно в контексте традиций магического реализма⁹.

Достаточно подробный анализ творчества Т. Моррисон представлен в статьях и рецензиях отечественных исследователей-американистов А. С. Анастасьева¹⁰, Г. П. Злобина¹¹, А. М. Зверева¹², А. С. Мулярчика¹³, О. Ю. Пановой¹⁴, В. Г. Прозорова¹⁵, Ю. В. Стулова¹⁶, С. А. Чаковского¹⁷ и др. Н. А. Анастасьев и С. А. Чаковский впервые обозначили весьма ощутимое влияние на творчество Моррисон поэтики эпического художественного мира латиноамериканского романа¹⁸. Непосредственно к магическому реализму в

¹См.: Butler J. E. Morrison and the Critical Community // The Cambridge Companion to Toni Morrison. – Cambridge: Univ. Press, 2007. – P. 175; Encyclopedia of African American Women Writers, Volume 1 / ed. by Y. W. Page. – Westport: ABC-CLIO, 2007. – P. 429.

²Critical Essays on Toni Morrison / ed. by N. Y. McKay. – Boston: GK Hall, 1988. – 219 p.

³Toni Morrison's Fiction: Contemporary Criticism / ed. by D. L. Middleton. – N.Y.: Garland, 1997. – 323 p.

⁴Toni Morrison / ed. by L. Peach. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 1998. – 211 p.

⁵Toni Morrison / ed. by H. Bloom. – N.Y.: Chelsea House Publishers, 2005 – 223 p.

⁶The Cambridge Companion to Toni Morrison / ed. by J. Tally. – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2007. – 197 p.

⁷The Toni Morrison Encyclopedia / ed. by Beaulieu E. A. – Westport: Greenwood Publishing Group, 2003. – 428 p.

⁸Davis C. Y. Self, Society and Myth in Toni Morrison's Fiction // Toni Morrison. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 1998. – P. 27-42; Harris T. Fiction and Folklore: The Novels of Toni Morrison. – Knoxville: Univ. of Tennessee Press, 1991. – 228 p.

⁹Cristian B. The Contemporary Fables of Toni Morrison // Black Women Novelists: The Development of a Tradition. – L.: Greenwood Press, 1980. – P. 137; Foreman P. G. Past-On Stories: History and the Magically Real, Morrison and Allende on Call // Magical Realism: Theory, History, Community. – Durham: Duke Univ. Press, 1995. – P. 285-304.

¹⁰Анастасьев Н. А. Обретение истории // Песнь Соломона. – М.: Прогресс, 1982. – С. 5-18.

¹¹Злобин Г. П. Тони Моррисон. Песнь Соломона. [Рец. на кн.: Morrison, T. Song of Solomon. – N. Y., 1977] // Современная художественная литература за рубежом. – М., 1979. – № 6. – С. 44 – 47; Злобин Г. П. Тони Моррисон. Смоляное чучелко. [Рец. на кн.: Morrison, T. Tar Baby. – N. Y., 1981] // Современная художественная литература за рубежом. – М., 1982. – №5. – С. 60-64.

¹²Зверев А. М. Девяностый Нобелевский лауреат: Тони Моррисон // Диапазон. – М., 1994. – №1. – С.88-91; Зверев А. М. Тони Моррисон. Джаз. [Рец. на кн.: Morrison, T. Jazz.– N.Y., 1992] // Диапазон. – М., 1992. – №4. – С. 80-83; Зверев А. М. Тони Моррисон. Любимая. [Рец. на кн.: Morrison, T. Beloved.– N. Y., 1987] // Современная художественная литература за рубежом. – М., 1989. – №6. – С. 47-50

¹³Мулярчик А. С. Романистка Тони Моррисон // Астуриас М. А. Сеньор Президент. Моррисон Т. Джаз. – М.: Панорама, 2000. – С.452-460.

¹⁴Панова О. Ю. Между раем и адом: американская пастораль Тони Моррисон // Иностранная литература. – 2010. – №7. – С. 256-265

¹⁵Прозоров В. Г. Ступени свободы: Очерки истории и литературы США. – Петрозаводск, 2001. – 344 с.

¹⁶Стулов Ю. В. Переосмысление истории в современном афроамериканском романе // Вестник НГЛУ. – 2010. – Вып. 12. – С. 140-154.

¹⁷Чаковский С. А. Негритянский роман // Литература США в 70-е годы XX века / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; ред. Я. Н. Засурский. – М.: Наука, 1983. – С. 200-221.

¹⁸Подробнее см.: Анастасьев Н. А. Указ.соч. – С. 13; Чаковский С. А. Указ. соч. – С. 213.

произведениях писательницы одной из первых в советском литературоведении обратилась Л. А. Цехановская в статье «Влияние литературы “магического реализма” на творчество Т. Моррисон»¹. Исследовательница не углубляется в художественный анализ романа, обозначив, однако, некоторые важные аспекты мифопоэтики писательницы. При этом традиции магического реализма рассматриваются исключительно как явление латиноамериканской литературы.

В отечественной американистике 1970 – 1980-х гг. исследовались лишь отдельные романы Моррисон, при этом, несмотря на интерес российских литературоведов к творчеству писательницы, масштабные исследования, дающие целостный анализ ее творчества, до 1990-х гг. не появляются.

С 1991 г. творчество Моррисон становится объектом диссертационных исследований. Так, С. А. Пухнатая² первая в отечественном литературоведении анализирует идейно-нравственные и эстетические ориентиры писательницы в широком историческом, культурном и литературном контекстах. В диссертационном исследовании Л. А. Агрбы рассматривается обширный мифосемиотический пласт поэтики Т. Моррисон, выявляются особенности переработки автором некоторых универсальных мифомотивов и мифообразов³. С. И. Чугунова, обращаясь к анализу фольклорных мотивов в творчестве Моррисон, раскрывает особенности авторской интерпретации элементов афроамериканского фольклора, животной и волшебной сказки⁴. Определенного внимания заслуживают работы, в которых отдельные романы Моррисон рассматриваются в контексте творчества других афроамериканских авторов⁵, а также исследования в смежных гуманитарных дисциплинах, в частности, культурологов и историков журналистики⁶.

Анализ отечественной американистики 1990 – 2000-х гг. показывает, что интерес российского литературоведения к писательнице значительно возрастает после присуждения Т. Моррисон Нобелевской премии в 1993 г.: помимо диссертационных исследований появляются издания ее произведений на русском языке, большое количество статей, анализируются художественные особенности и различные аспекты ее творчества. В 2000-е гг. новые произведения писательницы становятся не только поводом для реакции литературной критики, но и литературоведческого осмысления, о чем

¹Цехановская Л. А. Влияние литературы «магического реализма» на творчество Т. Моррисон // Учёные записки Тартуского университета. Вып. 646. – 1983. – С. 156.

²Пухнатая С. А. Художественная проза Тони Моррисон (новые тенденции в современной негритянской литературе США): дис... к.ф.н.: 10.01.05. – М., 1991. – 194с.

³Агрба Л. А. Мифосемиотическое пространство романов Тони Моррисон: дис. ... к.ф.н.: 10.01.03. – Нальчик, 2004. – 177 с.

⁴Чугунова С. И. Фольклорные мотивы в художественной прозе Тони Моррисон: дис.... к.ф.н.: 10.01.03. – Чита, 2008. – 152 с.

⁵См., напр.: Гусарова И. В. Литературная традиция в творчестве афроамериканских писателей последней четверти XX века: Тони Моррисон, Глория Нейлор, Элис Уокер: дис. к.ф.н.: 10.01.03. – М., 2003. – 197 с.; Сурова О. Ю. Творчество Ральфа Эллисона и развитие негритянской прозы США 50-х - 80-х годов XX века: автореф. дис.... к.ф.н. 10.01.05 – М., 1991. – 27 с.

⁶Пискун Е. В. Мультикультурализм США и культура афроамериканцев (Т. Моррисон, Э. Уокер): дис... к. филос. наук: 24.00.01. – М., 2001. – 176 с.; Юликова М. А. Рецепция творчества Тони Моррисон в периодической печати США и России: дис. ...к.ф.н.: 10.01.10. – М., 2006. – 197 с.

свидетельствует, к примеру, статья О. Б. Карасик¹. Ряд статей по проблемам магического реализма в творчестве Т. Моррисон принадлежит автору данной диссертации.

Все возрастающий интерес российского литературоведения к творчеству Т. Моррисон не вызывает сомнений. В то же время отсутствие масштабных исследований, посвященных одной из самых важных составляющих ее творчества, а именно – традициям магического реализма, позволяет говорить о насущной необходимости ее изучения.

Таким образом, **научная новизна** диссертации определяется тем, что в ней впервые в отечественном литературоведении осуществлен комплексный анализ формирования и функционирования традиций магического реализма в романах Т. Моррисон, представляющих одну из важнейших особенностей ее художественного мышления, определивших основные характеристики ее произведений 1970 – 1990-х гг.

Цель исследования заключается в выявлении художественного своеобразия романов Т. Моррисон 1970 – 1990-х гг., определяемого воздействием традиций магического реализма.

Поставленная **цель** обусловила следующие **задачи исследования**:

- 1) рассмотреть теоретические и историко-литературные аспекты становления и развития магического реализма в западном литературном сознании XX века;
- 2) проследить формирование соответствующей литературной традиции и специфику ее отражения в латиноамериканской, английской, американской и афроамериканской литературах;
- 3) выявить специфику художественного мышления Т. Моррисон на этапе раннего творчества в романах «Самые голубые глаза» и «Сула»;
- 4) рассмотреть мифологическую основу романа «Песнь Соломона» как проявление поэтики магического реализма;
- 5) проанализировать фольклорно-мифологические мотивы и образы в романе «Смоляное чучелко»;
- 6) изучить традиции сверхъестественного и чудесного в романах «Возлюбленная» и «Рай».

Объект исследования составляют традиции магического реализма, нашедшие отражение в романах Т. Моррисон.

Предмет исследования – художественные средства и приемы, используемые писательницей для создания атмосферы «магического» и реального в исследуемых произведениях.

В соответствии со сложившейся в литературоведении традицией выделяются следующие этапы творчества Моррисон: ранний (1960-е – первая половина 1970-х гг.), зрелый (вторая половина 1970-х – 1990-е гг.), поздний (2000-е гг.).

¹Карасик О. Б. «Жалость» Тони Моррисон: идейно-художественное своеобразие романа // Вестник ТГГПУ. – 2010. – № 20. – С. 152-155.

Материалом исследования послужили романы 1970 – 1990-х гг. («Самые голубые глаза» (*The Bluest Eye*, 1970), «Сула» (*Sula*, 1973), «Песнь Соломона» (*Song of Solomon*, 1977, рус. пер. 1982), «Смоляное чучелко» (*Tar Baby*, 1981), «Возлюбленная» (*Beloved*, 1987, рус. пер. 1994), «Рай» (*Paradise*, 1998, рус. пер. 2000)), произведения ведущих представителей магического реализма (А. Карпентьера, М. А. Астуриаса, Г. Гарсиа Маркеса, С. Рушди и др.), важнейшие литературоведческие и культуроведческие исследования по проблеме магического реализма.

Магический реализм рассматривается нами в традициях современного российского литературоведения¹ и определяется как особый тип художественного мышления, свойственный разнородным явлениям в литературе XX века, при котором писатель отрицает плодотворность рационалистического мышления в стремлении выразить и художественно осмыслить мифически-магическую модель мироздания и для которого характерно органичное использование элементов фантастики наряду с обязательным наличием черт легко опознаваемой исторической реальности. Основополагающими признаками магического реализма как типа художественного мышления, по справедливому мнению отечественных и зарубежных литературоведов, выступают следующие: 1) включение в реалистическое повествование сверхъестественного элемента, не поддающегося объяснению с позиции привычных законов универсума; 2) изображение двух сосуществующих и взаимопроникающих художественных миров (реального и ирреального) и перспектив, одна из которых основана на «просвещенном», рационалистическом видении реальности, другая – на принятии логики сверхъестественного как части обыденной жизни; 3) обязательное использование элементов фольклора, мифологии и древних верований определенной этнической общности; 4) скрытая позиция автора в отношении к изображению естественных и сверхъестественных событий; 5) тенденция к описанию функционирования человеческого сообщества на уровне коллективного мифологического сознания; 6) создание эффекта присутствия волшебного мира, достигаемого за счет реалистического описания необыкновенных образов или ситуаций; 7) отчетливое стремление к карнавализации как характерной особенности повествования; 8) разрушение традиционного представления о временных и пространственных границах с целью раскрытия их относительности; 9) стремление автора представить все вышеперечисленное в единой художественной целостности².

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

² Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления). – М.: НИЦ славяно-германских исследований ИСЛ РАН, 1998. – 117 с.; Кофман А. Ф. Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе // Современный роман. Опыт исследования. – М.: Наука, 1990. – С. 183-201.; Chanady A. *Magical Realism and the Fantastic: Resolved Versus Unresolved Antinomy*. – Garland: Univ. of Texas Press, 1985. – 183 p.; Faris W. B. *Ordinary Enchantments: Magical Realism and the Remystification of Narrative*. – Nashville: Vanderbilt Univ. Press, 2004. – 323 p.; Schroeder, Sh. *Rediscovering Magical Realism in the Americas*. – Westport: Greenwood Publishing Group, 2004. – 183 p.

Методологической основой диссертационного исследования послужили принципиальные положения отечественного литературоведения, сформулированные в трудах М. П. Алексеева, М. М. Бахтина, А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского, Н. Д. Тамарченко, Ю. Н. Тынянова, Б. А. Успенского, В. Е. Хализева и др.

В ходе диссертационного исследования нами использовались следующие научные методы: сравнительно-исторический, социокультурный, биографический, принципы системного подхода к явлениям литературы и культуры, целостного анализа художественного произведения, а также элементы гендерного интертекстуального анализа.

Научно значимыми для нас стали работы ведущих отечественных и зарубежных литературоведов-американистов (М. К. Бронич, А. В. Ващенко, Т. Д. Венедиктовой, Б. А. Гиленсона, Т. Н. Денисовой, Я. Н. Засурского, А. М. Зверева, И. В. Киреевой, Е. Н. Корниловой, И. Е. Луниной, И. В. Морозовой, А. С. Мулярчика, О. О. Несмеловой, А. Н. Николукина, Э. Ф. Осиповой, О. Е. Осовского, В. В. Переяшкина, В. И. Солодовник, Е. А. Стеценко, В. М. Толмачева, М. В. Тлостановой, Х. Блума, Х. Бхаба и др.), исследователей афроамериканской литературы (Н. А. Высоцкой, О. Ю. Пановой, Ю. Л. Сапожниковой, Ю. В. Стулова, И. М. Удлер, Т. К. Цинцадзе, С. А. Чаковского, Б. Белла, Г. Л. Гейтса, Т. Харрис), исследователей феномена магического реализма в различных литературах (А. А. Гугнина, В. Б. Земскова, А. Ф. Кофмана, В. Н. Кутейщиковой, Л. И. Мальчукова, Л. С. Осповата, И. А. Тертерян, Л. П. Замора, Б. Купер, Л. Лила, А. С. Ментона, М. Норьеги Санчес, М. Стюарт, Р. Уилсона, А. Флореса, П. Г. Форман, У. Б. Фэрис, С. М. Харта, А. С. Хегерфелдт, А. Шанади и др.), специалистов по творчеству Т. Моррисон (Н. А. Анастасьева, Г. П. Злобина, В. Г. Прозорова, Б. Кристиан, Н. Маккей, Дж. Талли, Дж. Фурман и др.) и исследователей истории и культуры США (Э. Я. Баталова, Э. Л. Нитобурга, О. Э. Тугановой, Н. В. Сивачева, Е. Ф. Язькова, У. Э. Б. Дюбуа и др.).

Теоретическая значимость работы заключается в раскрытии на основе анализа романов Т. Моррисон 1970 – 1990-х гг. ее уникальной художественной системы, сочетающей глубокое осмысление современной американской действительности с обширным культурно-мифологическим контекстом, вовлечением афроамериканского фольклора, традиционных элементов сверхъестественного и чудесного, фантастикой негритянского мирозерцания. Разработанная исследовательская модель, наблюдения и выводы могут послужить основой для дальнейшего изучения процесса формирования и развития традиций магического реализма в творчестве современных писателей США, в американских этнических литературах и американской словесности в целом.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что материалы, ее основные выводы и положения могут быть использованы в вузовском преподавании курса американской литературы XX века, в спецкурсах и

семинарах, посвященных углубленному изучению творчества Т. Моррисон, американского романа XX столетия.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Традиции магического реализма, составляющие важнейший элемент романного творчества Т. Моррисон 1970 – 1990-х гг., основаны на синтезе множества литературных и культурных пластов: поэтики нового латиноамериканского романа, европейской и американской литературных традиций, африканского и афроамериканского фольклора и мифологии, классической мифологии и библейских мотивов. Особое значение в создании атмосферы «магического» текста имеет обращение писательницы к культурно-историческому опыту афроамериканского этноса, специфике его космологии, самобытности культуры.

2. Тенденция к совмещению реалистического и сверхъестественного ощутима уже в ранней прозе писательницы. В романе «Самые голубые глаза» элемент чуда обусловлен фантазией иллюзорного мира героини, что подчеркивает контраст между уродливым и прекрасным. В «Суле» формируется идейно-художественная стратегия Моррисон, в которой действительность воссоздается через фантастику народного мировосприятия. Магический реализм «Сулы» дополняет ряд необычных, выходящих за грани обыденной жизни ситуаций, некоторые из которых не находят какого-либо возможного рационального объяснения.

3. Мифологические мотивы, органично входящие в общий реалистический план романа «Песнь Соломона», идея значимости культурных истоков, отчетливо выраженная в использовании негритянского фольклора, вере в магию, образах духов предков, окончательно определяют своеобразие магического реализма Т. Моррисон. Писательница заметно расширяет художественное пространство романа за счет дополнения социально-исторического фона ясно прослеживаемыми сверхъестественными элементами.

4. Магический реализм в романе «Смоляное чучелко» особо ярко проявляется в описании фантастической реальности экзотического острова, на котором разворачивается основное действие книги; фольклорно-мифологические образы и сюжеты художественно переосмысливаются и обретают новые содержательные грани. Наделение природы качествами действующих персонажей способствует созданию атмосферы чудесного и предлагает читателю иное зрение, выходящее за рамки рационального познания.

5. Абсолютизация элемента сверхъестественного и чудесного в романе «Возлюбленная» наряду с глубиной осмысления исторической действительности позволяет рассматривать роман не только как наиболее показательный пример магического реализма Т. Моррисон, но и как яркий образец подобных произведений в мировой литературе. Фантастический элемент не нарушает достоверной картины изображаемой эпохи, напротив, позволяет писательнице отразить самые трагические страницы национального прошлого.

6. В романе «Рай» синтезированы традиции романа-утопии, романа воспитания, готического и романтического повествования. Черты магического реализма остаются в нем доминирующими, при этом традиционная для Моррисон связь с афроамериканским фольклором и мифологией отходит на второй план. Эффект магического в повествовании достигается преимущественно за счет ярких, полумифических женских образов и фантастического развития сюжета.

Апробация работы. Материалы диссертации были представлены в докладах на научно-практических конференциях и научных семинарах разного уровня: *международных*: XL филологической конференции (СПбГУ, 2011), XXXVI конференции ОИКС «Природа и культура: американский опыт сосуществования» (МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010); III конференции «Синтез документального и художественного» (КФУ, 2010); *всероссийских*: «Национальный миф в литературе и культуре: литература и идеология» (ТГГПУ, 2011); «Литературная классика в современном мире: проблема общечеловеческих ценностей и поиска идеала» (МордГПИ, 2011). Кроме того, исследовательский проект по теме диссертации был представлен в XIV Фулбрайтской международной гуманитарной летней школе «Созидание сообществ посредством слова и образа» (МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011). Основные положения диссертации обсуждались на кафедре литературы и методики обучения литературе ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева». Результаты исследования нашли отражение в десяти опубликованных работах, в том числе в трех статьях в журналах, входящих в перечень ВАК.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников, включающего 317 наименований, из них 164 на русском и 153 на английском языках. Общий объем диссертации составляет 206 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, подчеркивается новизна, раскрывается степень научной разработанности проблемы, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, аргументируются методология, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, приводятся сведения об апробации работы.

Первая глава «Магический реализм как явление литературного сознания XX столетия» посвящена исследованию становления и развития феномена магического реализма в латиноамериканской литературе, специфики его проявления в прозе современных английских, американских и афроамериканских авторов.

В первом разделе *«Становление и развитие магического реализма в прозе писателей Латинской Америки»* представлен анализ процесса формирования магического реализма в творчестве латиноамериканских авторов

и наиболее репрезентативных художественных произведений, созданных в этом ключе¹. Отмечено, что концепция «чудесной реальности», послужившая эстетической программой направления в целом, изложена в предисловии к исторической повести 1949 года «Царство земное» А. Карпентьером, одним из основоположников магического реализма в литературе Латинской Америки. Наряду с мифологическим планом в книге Карпентьера присутствует план социально-исторический: обращаясь к трагическому прошлому Гаити, писатель излагает события от лица безызвестного раба Ти-Ноэля, с чьим образом в повесть входит стихия древних афро-индейских культурных традиций и гаитянских верований. Социальные потрясения на Гаити XVIII – начала XIX вв., переданные сквозь призму языческого мировоззрения путем повествования от третьего лица, при всей точности исторической канвы приобретают сказочный характер и представлены как сочетание вымысла и документа.

Близкую к карпентьеровской форму «чудесного» освоения реальности в этот же период предлагает гватемальский прозаик М. А. Астуриас в романе «Маисовые люди», обращаясь к проблеме многовековой истории угнетения гватемальского народа. Общий интерес латиноамериканских писателей к этой теме соотносится с процессом национально-освободительного движения, развивающимся после второй мировой войны, и выступает в качестве характерной особенности произведений раннего магического реализма.

Астуриас и Карпентьер, оставаясь в пределах реалистического письма, обильно насыщая его образами, характерными для дорационалистического мировоззрения, далекими от традиционного западного миропонимания, не отрицают в полной мере рациональное осмысление действительности. Фантастическое в их произведениях существует за счет иной логики мировосприятия, в которой народнопоэтическое мышление стало основным критерием отражения и оценки действительности.

Литературно-художественный потенциал магического реализма расширяет новаторский характер прозы Х. Л. Борхеса, заключающийся в отходе от традиционного реалистического повествования. Первая книга Борхеса «Всеобщая история бесчестия» открывает, по мнению А. Флореса, новое направление в испано-американской прозе, а год ее публикации (1935)

¹Традиция магического реализма, воспринимаемая современным литературоведением как одна из характерных тенденций в развитии западного литературного сознания XX века, по общему признанию, вырастает из его латиноамериканского варианта. Вместе с тем «магическим реализмом» также именуется особый феномен в немецкой литературе второй половины 1940-х гг., характеризующийся обращением к этническому прошлому и настоящему, фольклору и его литературным производным, сочетающимся с противопоставлением мира «волшебного и загадочного» обыденной реальности. Следует, однако, подчеркнуть, что несмотря на определенное сходство особенностей художественного мышления, приемов поэтики и эстетики, немецкие «магические реалисты» так и не сформировали литературного направления, объединенного некой единой художественной программой. «Локальный» характер этого историко-литературного явления стал причиной того, что возникновение магического реализма в латиноамериканской литературе, его международное влияние и популярность оставили немецкий магический реализм на «втором» плане. Подробнее см.: Гутнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления). – М.: НИ славяно-германских исследований ИСл РАН, 1998. – 117 с., Мальчуков Л. И. Реализм и «магический реализм» в западногерманской литературе 1945-1949 гг.: автореф. дис. ... к.ф.н. – Л., 1971. – 17 с.

исследователь предлагает считать годом рождения «магического реализма»¹. Наиболее примечательными в свете традиций магического реализма рассказами в данном сборнике представляются «Хаким из Мерва, красильщик в маске» и «Юг». Модели вымышленных миров присутствуют и в таких рассказах, как «Тлён, Укбар, Орбис Терциус», «Вавилонская библиотека», «Лотерея в Вавилоне». В «Заире» и «Алефе» фантастические элементы входят в повседневную жизнь, искажая привычную реальность. Рассказы Борхеса глубоко интертекстуальны, включают в себя реминисценции, аллюзии, заимствования, цитаты как из книг самого автора, так и из мировой мифологии и литературной классики. Описательный характер прозы определил своеобразие его варианта магического реализма, заметно отличающегося от других представителей латиноамериканской литературы.

Другим несомненным образцом магического реализма, появление которого окончательно формирует существенные принципы этого направления, становится роман Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Большинство литературоведов видит новаторский характер прозы Гарсиа Маркеса именно в том, что автору удалось полностью растворить фантастические события в картине повседневной действительности, представив их в весьма реалистичном тексте². Если фантастические с точки зрения рационального мышления события представлены в романе как вполне естественные, то реалистические аспекты жизни в Макондо, связанные с современной цивилизацией, напротив, кажутся экзотическими. Опираясь на богатство народного мифологического мышления, Гарсиа Маркес создает фантасмагорическую картину мира, в которой волшебная сторона действительности проявляет себя в самых разных формах. На этот карнавальное пространство проецируются трагедии библейских и мифологических тем и сюжетов, образующих идейно-сюжетную канву романа – зарождения мира, инцеста и грехопадения, потопа, апокалипсиса.

Анализ рассмотренных произведений позволяет сделать вывод о том, что магический реализм латиноамериканских писателей – сложное многоплановое явление, основанное на органическом синтезе классического реализма, острой социальной критики и сатиры, элементов историзма, фольклора и мифологии. Традиция магического реализма явилась своеобразной объединяющей чертой латиноамериканского романа, которая выражается в новаторском подходе к описанию действительности, опоре на фольклорные традиции, иногда – на интеллектуально ориентированную традицию европейского авангардизма. Латиноамериканская литература фактически имеет свой вариант магического реализма, сравнение с которым определяет движение иных литератур, работающих в этом направлении.

Во втором разделе *«Своеобразие магического реализма в творчестве англоязычных писателей 1970 – 1990-х гг.»* внимание акцентируется на

¹Flores A. *Magical Realism in Spanish American Fiction* // *Magical Realism: Theory, History, Community*. – Durham: Duke Univ. Press. – 1995. – P. 113

²Подробнее см.: Земсков В. Б. Габриэль Гарсиа Маркес: очерк творчества. – М.: Худож. лит. 1986. – 224 с.; Bloom H. *Introduction* // *Gabriel García Márquez's One Hundred Years of Solitude*. – N.Y.: Infobase Publishing, 2009. – P. 1 – 4.

особенностях поэтики магического реализма «нелатиноамериканского» типа. Как форма мифопоэтического мышления, близкая по существу к тому, что предложили латиноамериканские авторы, но нередко возникающая независимо от них, магический реализм становится одной из новых черт западного художественного сознания XX века, приобретая новаторский характер в литературном творчестве писателей Великобритании и США¹.

Одной из наиболее ярких фигур современной британской литературы является А. С. Рушди. Его роман «Дети Полночи» заслуженно считается ярким примером произведений магического реализма. Книга представляет собой фантастическую автобиографию Салема Синая, первого среди тысячи и одного ребенка, появившегося на свет в момент провозглашения индийской независимости. Слияние метафорического и прямого смыслов становится основным художественным приемом магического реализма Рушди, на котором базируется авторский замысел: представить метафору как художественную реальность. Обращение Рушди к индийской мифологии свидетельствует о стремлении к воссоединению со своими корнями, желании привнести в современное мультикультурное пространство частицу культуры древнейшей цивилизации.

Свидетельством того, что практика магического реализма находит себя не только в творчестве писателей, непосредственно связанных с фольклорной традицией, но и ориентирующихся на традиционный американский литературный канон, может служить проза У. Кеннеди. В своем знаменитом цикле романов, объединенных общим местом действия, городом Олбани, писатель, продолжая традицию Фолкнера, создает модель национального микрокосма, особый мир, в котором жизнь, полная необъяснимых событий и сверхъестественных явлений, подчиняется особой логике. Анализ романа «Железный бурьян» показывает, что литературная техника Кеннеди во многом сопоставима с латиноамериканским магическим реализмом. Вместе с тем мистико-аллегорическое наполнение романа и акцент на зловещей картине городского дна придают прозе Кеннеди напряженный социальный психологизм.

Интерес к магическому реализму и попытка его реализации нередко представляют собой своеобразную форму постмодернистской игры с соответствующей литературной традицией. В этой связи особый интерес представляет творчество американского писателя Дж. Апдайка. Самым значимым его романом, созданным в русле магического реализма, является «Бразилия». В книге имеет место синтез мифологических и реалистических образов и планов изображения в целом; прослеживается творческая переработка мифа о Тристане и Изольде; отражена специфика бразильского колорита; присутствует элемент чуда, согласуемый с естественным течением жизни героев.

¹Художественные ориентиры зарубежной литературы 20 века: материалы о школе / редкол. А. Б. Базилевский, Ю. Н. Гарин, А. М. Зверев и др. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 567 с.

Особую роль в развитии магического реализма в современной литературе США играет этническая литература, создаваемая писателями, связь которых с культурами их диаспор не просто очевидна, но осознанно ретранслируется в художественных текстах чиканос, китайских, японских и других авторов¹. Примером подобной литературы может служить автобиографический роман американской писательницы китайского происхождения М. Х. Кингстон «Воительница». Кингстон создает собственную версию китайского мифа и автобиографической истории, сплетая в единое целое документальность и художественный вымысел. Насыщение романа мифологическими образами китайского прошлого в сочетании с мифами современной американской действительности дает писательнице возможность защитить свою культурную идентичность, не растворив ее в американской реальности.

Поэтика и эстетика магического реализма оказываются актуальными для творчества английских и американских писателей 1970 – 90-х гг. При этом их связь с характерным для магического реализма фольклорно-мистическим началом может проявляться на разных уровнях повествования и в различной степени. Если С. Рушди, который соединяет магический реализм и постколониальную традицию, опирается на соответствующий этнический фольклор, вводя его в контекст англоязычной литературы, то у У. Кеннеди специфика магического реализма выстраивается иначе: пристрастие автора к урбанистическому, с одной стороны, и интерес к мистической стороне человеческой жизни, – с другой, обуславливает обостренный социальный психологизм и аллегорический характер его прозы. Диалог с латиноамериканской традицией магического реализма и создание на ее основе постмодернистского текста представлены в творчестве Дж. Апдайка. В творчестве М. Х. Кингстон магический реализм достигается через взаимодействие древнего фольклорного пласта, связанного с китайским наследием писательницы, и осмысления современной американской культуры. Таким образом, современное литературное сознание Великобритании и США формирует новый тип магического реализма, имеющий явно выраженную специфику. Эту тенденцию можно называть определяющей для многих авторов последующих десятилетий, ориентирующихся не столько на творчество латиноамериканских авторов, сколько на собственный культурный и литературный опыт.

В третьем разделе *«Особенности отражения магического реализма в литературной практике афроамериканских писателей»* рассматривается самобытная традиция чернокожих авторов, выросшая из негритянского фольклора. Магический реализм стал распространенным способом выражения этнической индивидуальности афроамериканцев, попыткой противостоять доминирующему влиянию западного мира и сохранить самобытность собственной культуры.

¹Подробнее см.: Ващенко А. В. Америка в споре с Америкой (этнические литературы США). – М.: Знание. – 64 с.

Среди писателей, заслуживающих особое внимание в связи с проблемой создания оригинального варианта литературы магического реализма в афроамериканской словесности, следует выделить Ч. У. Чесната. Его перу принадлежит несколько романов, однако прочное место в литературе он занимает как мастер малой прозы, прежде всего как автор «Колдуньи». На страницах «Колдуньи» Чеснат изображает мир старого Юга, где богато наследие негритянского фольклора, бытуют древние африканские культы, магия, суеверия.

Не менее показательным обращением к афроамериканскому фольклору и его творческая переработка в литературной практике З. Н. Херстон. Описание богатства негритянской фольклорной традиции и поиск афроамериканской идентичности становятся ключевыми направлениями в ее творчестве. В романе «Их глаза видели Бога» Херстон воспевают самобытность афроамериканской народной культуры. Включая в текст элемент фантастики, соединяя мир человека с неправдоподобным, фантастическим поведением животных, Херстон стремится показать другую сторону реальности. Изображение альтернативного повествовательного ракурса в определенной мере предвосхищает развитие магического реализма. Наряду с богатством фольклорно-мифологической образности романа не менее важная роль отводится природной символике. Океан, ураган, земля, деревья, цветы – образы, пронизывающие роман, обладают метафорическим значением.

Новые тенденции развития афроамериканской литературы в 1970 – 80-е годы связаны с именами ряда писательниц – Т. Моррисон, Э. Уокер, Т. К. Бамбары, М. Анджелоу, Г. Нейлор, П. Маршалл, Н. Шанге и других. Внимание к женщине, ее внутреннему миру неизбежно связывает романисток с обращением к магическому реализму. Среди наиболее значимых произведений этого периода – роман Э. Уокер «Цвет пурпурный». Включение в роман африканской тематики позволяет писательнице обозначить одну из популярных тенденций 1960–70-х гг., связанную с поиском афроамериканской идентичности и возрождением культурно-художественного наследия Африки¹. «Цвет пурпурный» раскрывает духовное родство, объединяющее во многом африканцев и афроамериканцев. Необходимо подчеркнуть, что анимистическое мироощущение, которым Уокер и ряд других афроамериканских писателей наделяют своих героев, роднит их с представителями магического реализма Латинской Америки, Африки, Индии.

Не менее значимым в контексте афроамериканского женского письма представляется творчество Г. Нейлор. Наиболее ярко магический реализм проявился в романе «Мама Дэй», описывающем жизнь негритянской общины на небольшом острове Уилоу Спрингз, где сильны традиции, родственные связи, вера в магию и потусторонние силы. Его волшебная природа, наполненная духами предков и древними мифами, соответствует первичному образу афроамериканской реальности. В воссоздании этого необычного

¹ Africa and the Americas: Culture, Politics, and History: a multidisciplinary encyclopedia / ed. by R. M. Juang, N. Morrisette. – Santa Barbara: ABC-CLIO. – P. 176

замкнутого пространства, в весьма самобытном хронотопе зримо ощущается влияние латиноамериканского магического реализма. В образах Сапфиры Уэйд и Мамы Дэй Нейлор автор воскрешает одну из древних форм африканского культа – поклонение предку. Большая часть сверхъестественных событий в романе связана именно с их колдовскими способностями.

Таким образом, афроамериканские писатели, наследуя и переосмысливая культурное прошлое своей «исторической» родины, дополнили и обогатили реалистическую традицию США. Народные верования африканцев, перекочевавшие на американскую почву, создавали условия для зарождения новой художественной формы, отчасти независимой и развивавшейся параллельно с латиноамериканским магическим реализмом. Главные отличительные особенности афроамериканской версии магического реализма мы видим в ориентации на негритянскую устную традицию и африканскую мифологию, а также в синтезе афроамериканского фольклора и афро-карибских народных верований, акцентуализации природного и духовного начал в человеке, изображении магической сущности женщины.

Вторая глава **«Своеобразие магического реализма в романах Т. Моррисон 1970 – первой половины 1980-х гг.»** посвящена романам «Самые голубые глаза», «Сула», «Песнь Соломона» и «Смоляное чучелко», на примере которых прослеживаются характер формирования самобытного художественного метода Моррисон и особенности освоения традиций магического реализма в ее творчестве.

В первом разделе **«Специфика художественного мышления Т. Моррисон на раннем этапе творчества (романы «Самые голубые глаза», «Сула»)»** представлен анализ двух первых произведений писательницы, выявлены особенности поэтики. Уже в романе «Самые голубые глаза» замечен мистический элемент, связанный с обращением к духовной сфере жизни афроамериканцев, их специфическим мировоззрением, верой в магические ритуалы. Здесь прослеживаются мотивы колдовства и образы целителей – зачатки магического реализма Моррисон, которые затем получают детальную разработку в последующих романах. В качестве характерных черт магического реализма выступают описание веры черной общины в их сверхъестественные способности, а также иллюзия исполнения мечты главной героини о голубых глазах. Несмотря на то, что «Самые голубые глаза» нельзя в полной мере считать произведением магического реализма, данный роман позволяет сделать вывод, что Моррисон уже в первом писательском опыте нащупывает собственный оригинальный почерк, определивший дальнейшее развитие ее творчества.

Устойчивый интерес писательницы к фольклорно-мифологическим истокам начинает отчетливо проявляться в следующем ее романе «Сула». Книгу открывает пролог, в основе которого – притча, связанная с историей происхождения негритянского квартала под названием Дно. Пролог «Сулы» интересен для нас прежде всего тем, что в нем Моррисон создает близкий к

сказочному образ негритянского квартала, придавая таким образом географическому пространству романа качество мифа.

Характерная для магического реализма склонность к иррациональному в мировоззрении героев порождает реальность, изобилующую фантастикой народных поверий. Образ главной героини Сулы окружает аура загадочности, которая постепенно переходит в зловещую. Автор не дает однозначного толкования мистических событий, настраивает читателя на восприятие таковых сквозь призму суждений жителей Дна, что усиливает магический элемент романа.

Художественный мир романа изобилует характерами, далекими от заурядных. У Моррисон такие персонажи чаще всего обладают некой силой либо неординарными качествами. Самыми необычными, на наш взгляд, героями становятся мальчики Дьюи. Между ними нет никакой родственной связи, более того, они разного возраста и разного цвета кожи, но в их поразительном сходстве скрывается нечто загадочное. Ряд мистических событий романа связан с явлениями окружающего мира. Обращение Моррисон к магическому реализму раскрывает мистическую взаимосвязь природы и веры как важного элемента негритянского сознания.

Таким образом, в первых двух романах Моррисон мы имеем дело с начальным этапом магического реализма, ведущим к дальнейшему отказу от рационалистического осмысления действительности в последующих романах и к утверждению того, что в реалистической традиции считается невозможным. События в романе «Самые голубые глаза» представлены с глубокой жизненной достоверностью и «магия» заключается лишь в иллюзии героини. Отличительная черта магического реализма в романе «Сула» состоит в значительной доле фольклора и фантастики народных поверий. Писательница пока не прибегает к использованию абсолютно невероятных и сверхъестественных элементов, которые характерны для творчества Гарсиа Маркеса, Рушди и других магических реалистов. Однако она описывает загадочные, редко встречающиеся в реальной жизни события так, что их правдоподобность не подлежит сомнению. И если трагичность «Самых голубых глаз» обусловлена исключительно социальными предпосылками, то в «Суле» загадочные несчастья не имеют рационалистического объяснения, нарушают традиционную схему реалистического повествования и тем самым приближают роман «Сула» к поэтическому миру магического реализма.

Во втором разделе **«Мифологическая основа «Песни Соломона» как проявление поэтики магического реализма»** анализируется один из самых значительных романов Моррисон «Песнь Соломона», в котором ей удалось совместить эпический характер повествования, разнообразие и многоплановость персонажей и остроту социальной проблематики. Роман становится одним из свидетельств стремления к преодолению кризиса национального самосознания негритянского населения Америки и обретению этнической идентичности. Мотив полета, связанный с образом главного героя Молочника, отражает многовековое стремление афроамериканцев к свободе и к

преодолению отрицательных явлений исторического прошлого. Роман настолько пронизан мифами, легендами и сверхъестественным, что порой сложно определить долю реального в описываемых событиях. Однако Моррисон органично включает в повествование элементы общественно-социальной жизни 1960-х гг., раскрывая тем самым политический потенциал магического реализма.

Важную часть повествования составляют эпизоды, наполненные негритянскими мифологическими представлениями, такими, как вера в призраки, вуду, магическую силу природы; при этом писательница выходит за грани африканского мифа и включает в художественную ткань романа реминисценции из христианской и греческой мифологий. В данном романе писательнице удалось со всей полнотой отразить богатство афроамериканской устной традиции. Вкрапление музыкальных форм становится ключевым приемом – успех Молочника в поиске своего прошлого напрямую зависит от умения слушать и находить разгадки тайн в негритянских напевах. На путь духовного возрождения главного героя наставляет его тетка Пилат. Именно с ее образом в роман входит категория сверхъестественного. Наиболее ярким проявлением чудесного на бытовом уровне выступает описание такого необычного дефекта, как отсутствие у Пилат пупка. Этот факт представляется довольно смелой характеристикой, превращающей ее в потустороннее существо. Пилат олицетворяет собой колдунью и трикстера, но главная ее сила заключается не в знании магии, а в том, что в ней, в противовес материализму отца Молочника, живут души ее предков и народная мудрость.

Несмотря на то, что художественная реальность магического реализма всегда находится за гранью реалистических представлений западного мира, читатель оказывается погружен в образ мыслей того общества, которое изображает писатель, и даже вовлечен в него. Другими словами, вопрос веры в понимании героев произведений магического реализма становится основным. В романе сомнению героев и рассказчика не подвергается явно выраженная связь между миром живых и мертвых, о чем свидетельствуют многочисленные истории о призраках, на которые Молочник реагирует с большой долей сомнения, однако в конце повествования сам приходит к логическому выводу, что существование параллельной реальности возможно. При этом автор показывает характерный для магического реализма отказ от склонности к европейскому рационалистическому познанию и утверждает возможность постижения истины лишь на основе народного и мифологического мышления, которое ассоциируется в первую очередь с образом предка, женщины-матери. Образы призраков представлены в романе с детальным изображением внешних черт, подобно портретам живых персонажей. Такой прием магического реализма превращает сверхъестественное явление в обыкновенное.

Таким образом, использование Моррисон приемов магического реализма в романе «Песнь Соломона» имеет особое значение. В соответствии с творческим замыслом писательница совмещает собственно мифологический план с бытовым. Идеологема освобождения афроамериканцев переходит здесь

из пространства социально-политического в фольклорное, мифологическое. Взаимопроникновение фантастического и конкретно-исторического позволяет Моррисон оторвать действие от четко обозначенного социально-исторического хронотопа и перевести его в легенду, предание, усилив тем самым эпическое звучание романа.

В третьем разделе *«Фольклорно-мифологические мотивы и образы романа «Смоляное чучелко»* диссертант концентрируется на особенностях авторской переработки материала негритянского фольклора. Название романа отсылает читателя к известной сказке о Смоляном чучелке, в его образной схеме не сложно увидеть сходство главных героев с фольклорными персонажами. В треугольнике Валериан – Джадин – Сын роль Смоляного чучелка отводится Джадину, но в сознании писательницы этот образ дополнительно связан с африканским мифом о Смоляной женщине, олицетворяющей основополагающие женские качества. В результате этого сюжет обретает несколько иное звучание и превращается в сложную художественную метафору. Создавая афроамериканское культурное пространство романа, Моррисон переходит от реалистического изображения действительности к фантастическому, диктуемому широким обращением к легендам и народным поверьям. Действие разворачивается на острове Иль де Шевалье, название которого связано с легендой о слепых всадниках, становящейся наряду с заимствованной фольклорной базой романа лейтмотивом всего произведения.

Моррисон тонко передает особую волшебную ауру романного пространства. Экзотика природы карибского острова перетекает в порождаемую ею «магическую реальность». Характерной особенностью эстетики магического реализма, представленной в романе, становится включение реки, деревьев, облаков в круг участников и даже творцов событий. Так Моррисон создает образ разумной и чувствующей природы, выводя читателя за рамки современного рационального мировосприятия. Связанный с мифом одушевленный ландшафт карибского острова, коллективное мифологическое сознание его жителей и голоса предков существуют как единый универсум, пребывающий вне времени и пространства, как магическая реальность, в подлинность которой готовы поверить не только авторы и его герои, но и читатели.

В значимую для понимания романа фантастическую парадигму выстраиваются описания снов и видений. Основными символами в ней являются образы африканки и «ночных женщин» Элои, которые в противоположность Джадину символизируют истинные женские качества и вселяют в нее чувство культурной отчужденности. Фантазия и реальность этих эпизодов переплетаются настолько тесно, что характер видений имеет непосредственное отношение к социальной и культурной реальности.

Основным носителем негритянского самосознания в романе выступает Сын. Его природное начало читается во всем – в его животном запахе и даже во внешности растрепанного дикаря, описание которой рождает ассоциации с

великолепием африканских пейзажей. В противоположность космополитке Джадин Сыну чуждо урбанистическое пространство Нью-Йорка. Как и Молочник, он чувствует себя потерянным в современном мире, и так же, как и Молочнику, ему необходим проводник, который укажет путь в царство мифа. Таким проводником для него становится Тереза, коренная жительница острова, чей образ напрямую связан с традициями магического реализма. Писательница вновь возвращается к основной фольклорной схеме, в которой главный герой, соединяясь с культурным прошлым, уходит в мир мифического предания.

Таким образом, переосмыслив литературную практику латиноамериканского магического реализма и негритянскую фольклорную традицию, Моррисон создает совершенно новый контекст, позволяющий характеризовать ее роман одновременно и как этнический, и как общеамериканский. Социальная проблематика 1970-х (взаимоотношения черного и белого населения Америки, окончательное обретение гражданских прав, женская эмансипация и др.) соединяется в романе с яркими и пространственными описаниями природы, с фантастикой и мистикой этнического сознания, богатством трансформаций фольклорных сюжетов.

Характерный для всего творческого пути Моррисон интерес к культурной истории афроамериканцев в наивысшей степени проявился в ее романах «Возлюбленная» и «Рай. Анализ этих двух произведений, ярких образцов магического реализма, посвящена третья глава **«Осмысление исторического прошлого Америки в контексте традиций магического реализма»**.

В первом разделе *«Традиции сверхъестественного и чудесного в романе «Возлюбленная»»* анализируется сюжетное построение, особенности образной системы и значимые для магического реализма художественные приемы, используемые писательницей в романе «Возлюбленная». Проблема осознания исторического опыта тесно связана со сверхъестественной линией романа. Опираясь на документальные источники, писательница выводит на первый план трагическую судьбу беглой рабыни Сэти Сагз, наряду с этим вплетает в текст фантастический образ Возлюбленной – возвратившейся из загробного мира дочери Сэти. Таким образом, уже на уровне сюжета ощутимо присутствие характерного для магического реализма чудесного события, резко контрастирующего с обычным течением реальной жизни. В этом состоит принципиально важное отличие «Возлюбленной» от прежних романов Моррисон: сверхъестественное здесь функционирует гораздо шире, не только в виде отдельных фрагментов. Читатель обязан принять возвращение призрака как неоспоримый факт, без которого вся история не имела бы смысла.

Образ Возлюбленной сложен и многозначен. Его можно воспринимать одновременно в нескольких ипостасях и следует трактовать в широком смысле: и как личное прошлое Сэти, и как историю целого народа. С развитием сюжета образ дочери-призрака теряет ауру сверхъестественности, окружавшую ее при первом появлении. Изначально воспринимаемая в качестве элемента потусторонней жизни, противоречащего земному порядку, Бэл постепенно обретает привычные для читателя черты живого персонажа. Чем дольше ее

фигура воплощена в материальном мире, тем отчетливее и яснее в ее манерах и речи признаки человеческого поведения, а значимость магической составляющей отходит на второй план, развивается идея образа Возлюбленной как воплощения многомиллионных жертв рабства.

Для глубокого понимания авторского замысла не следует забывать об африканских корнях писательницы, так как африканская мифология и фольклор служат прочным подспорьем к восприятию афроамериканской словесности, в частности магического реализма. Ряд важнейших образов и мотивов романа связан с народными верованиями. Важным представляется заимствование писательницей образа Возлюбленной, абику – умершего ребенка, из мифологии народов африканского континента (Нигерия). Наряду с африканскими народными поверьями в романе представлены и другие мифологические пласты (античные, христианские).

В рассматриваемом романе вновь важную роль играет образ женщины, олицетворения матриархата. Моррисон наделяет чертами богини Бэби Сагз, играющей в негритянском сообществе роль проповедницы. Вслед за ней женскую мудрость олицетворяет ее внучка Денвер. Близкая связь с магическим реализмом проявляется в неожиданной и символичной потере слуха Денвер, развившей в ней ряд необыкновенных качеств. Магия Денвер выражается главным образом в способности понимать явления потустороннего мира.

Таким образом, сверхъестественное и чудесное, традиционные составляющие поэтики магического реализма, становятся неотъемлемыми элементами романа «Возлюбленная». Притчевый характер книги позволил писательнице внести в реалистический текст элементы готического, фантастического, мифологического. Опора на устное повествование, развитие традиций магического реализма, а также репрезентация этнической проблематики продолжают ту линию, которая уже была представлена в предыдущих произведениях Моррисон; в то же время повышенное внимание к трагическим аспектам национального исторического опыта указывает на усиление реалистического начала в прозе писательницы, движение к более масштабному осмыслению действительности.

Второй раздел *«Мифы и утопии в историческом пространстве романа «Рай»»* посвящен рассмотрению оригинальных художественных решений писательницы, характеризующих роман «Рай» как текст магического реализма. Уже в самом названии «Рай» заложена идея построения утопических моделей жизни. В образе города Руби автор создает своего рода религиозную утопию, в которой представляет концепцию построения «Града на холме» в своеобразном афроамериканском пространстве. Строгим порядкам пуританского сообщества Руби противопоставлено сообщество Монастыря, сформировавшееся естественно, без какой-либо направляющей идеологии. В нем воплощена идея культурной интеграции: здесь присутствуют женщины, разные по своему социальному положению, с разнообразными взглядами на жизнь, их религии включают элементы католицизма, протестантизма, язычества. Именно вокруг

этих сообществ, основанных на противопоставлении расово-культурных и гендерных идей, строится основной конфликт.

В полумифическом, полуфантастическом пространстве «Рая» вновь встречаются знакомые читателю мотивы призраков, целителей, магии, знамений, сновидений. Тема волшебной роли женщины, ранее получившая детальную разработку в образах Пилат, Терезы, Бэби Сагз и других, особенно ярко звучит в романе «Рай». Именно с женскими образами связывается основная доля магического реализма в этой книге. Так, Консолата раскрывает в себе дар возрождать умирающих людей и исцелять души. В ее образе сконцентрированы все самые яркие роли героинь Моррисон – матери, подруги, проповедника, учителя, любовницы, колдуньи, целительницы. Параллельно в романе представлено мифическое предание о прекрасной поющей женщине Пьедад. С ее именем Консолата связывает свой собственный рай, утопию, на вере в которую зиждется ее женское сообщество.

Включение писательницей факта загадочного исчезновения тел женщин после убийства окончательно определяет роман в рамках классических схем магического реализма. В конце книги читатель вновь встречает всех героинь, но их образы представлены уже в ином качестве, будто жизни девушек переходят в другое измерение. При этом наиболее ярко черты магического реализма проявляются в том, как автор описывает эти явления: прослеживается неравномерность хода времени в сочетании с размытостью пространственных границ, спутанностью сознания. Консолате Моррисон вновь отводит особую роль, помещая ее в пространство мифа. На морском берегу поющая Пьедад убаюкивает героиню. Безмятежный образ богини-матери трансформирует сюжет католической Пьеты. По сравнению с царственной величавостью образа Пьедад, представленного в фантазиях Консолаты, ее портрет в изображении повествователя трансформируется и во многом утрачивает прежнюю волшебную ауру, что демонстрирует слияние мифа и реальности.

В романе «Рай» писательница создает уникальное художественное пространство, в котором синтезирует множество литературных традиций, при этом черты магического реализма явственно доминируют. Здесь очевидны признаки романа-утопии, готического и романтического повествования, романа воспитания. Отличительная особенность «Рая» заключается в том, что связь с афроамериканской фольклорной традицией отходит на второй план. Магический реализм объясняется преимущественно оригинальным авторским осмыслением христианского мифа в сочетании с фантастическим развитием сюжета и новизной, с которой раскрывается типичная для автора проблематика. В тоже время в романе четко прослеживается преемственность и эволюция по отношению к предшествующим произведениям.

Интерес Моррисон к историческому прошлому Америки продолжается и в последующих романах «Любовь» и «Жалость», в которых писательница продолжает линию поиска новых художественных форм, отчасти сохраняя сформировавшийся в ее прежних работах тип художественного мышления. Магический реализм, трансформируясь, переходит на уровень подтекста, но

продолжает оставаться важной частью поэтики Моррисон, что в очередной раз говорит о высоком уровне ее мастерства.

В **заключении** представлены основные результаты исследования, актуализированные в положениях, выносимых на защиту, и содержатся выводы, вытекающие из анализа произведений писательницы. Подчеркивается, что магический реализм является важнейшим компонентом романного творчества Т. Моррисон 1970 – 1990-х гг. При этом особенности его функционирования в художественной системе писательницы дают основание говорить не только о влиянии соответствующих литературных традиций латиноамериканских, английских, американских и афроамериканских авторов XX века, но и стремлении выявить и утвердить самобытность собственного художественного мышления.

Следование Т. Моррисон традициям магического реализма позволила ей сочетать глубокое осмысление американской действительности с обширным культурно-мифологическим контекстом, вовлечением афроамериканского фольклора, традиционных элементов сверхъестественного и чудесного, фантастикой негритянского мирозерцания. В целом в романах Т. Моррисон 1970 – 1990-х гг. складывается уникальная художественная система, которая получает дальнейшую разработку в прозе писательницы 2000-х гг. и заметно обогащает литературу США последних десятилетий XX – начала XXI столетия.

Основные положения и выводы нашли отражение в 10 публикациях по теме исследования:

I. Публикации в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Маслова, Е. Г. Интеграция социального и мифологического в прозе Т. Моррисон конца 1970-1980-х гг. / Е. Г. Маслова // Интеграция образования. – Саранск. – 2012. – № 1. – С. 114-119.
2. Маслова, Е. Г. Мифологема испытания и обретения себя в романе Т. Моррисон «Песнь Соломона» / Е. Г. Маслова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – Казань. – 2011. – № 2(24). – С. 202-206.
3. Маслова, Е. Г. Традиции «магического реализма» в романе Т. Моррисон «Смоляное чучелко» / Е. Г. Маслова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск. – 2011. – № 2. – С. 193-197.

II. Список публикаций в других изданиях:

4. Маслова, Е. Г. Магия природы в романе Т. Моррисон «Смоляное чучелко» / Е. Г. Маслова // Литературная классика в современном мире: проблема общечеловеческих ценностей и поиска идеала: материалы Всерос. науч. семинара. – Саранск, 2011. – С. 78-81
5. Маслова, Е. Г. Отражение афроамериканского фольклорного сознания в романном творчестве Т. Моррисон / Е. Г. Маслова // Иностранные

- языки в вузе и школе: сборник материалов семинара-практикума. – Саранск, 2010. – С. 70-72.
6. Маслова, Е. Г. Отражение истории рабства в романах Т. Моррисон «Возлюбленная» и «Жалость» / Е. Г. Маслова // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: сборник статей и материалов III международной научной конференции (Казань 3-8 мая 2010): Вып. 3. – Казань, 2011. – С. 55-59.
 7. Маслова, Е. Г. Специфика авторского повествования в романе Т. Моррисон «Смоляное чучелко» / Е. Г. Маслова // Американистика: литературные взаимовлияния; междисциплинарные исследования. Вып. 2. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 26-29.
 8. Маслова, Е. Г. Фантастика народных поверий в романе Т. Моррисон «Сула» / Е. Г. Маслова // Социально-гуманитарные и естественнонаучные исследования: теория и практика взаимодействия: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. II / ред. кол.: Бурланков С. П. [и др.]. – Саранск, 2012. – С. 113-116.
 9. Маслова, Е. Г. Художественное своеобразие романа Т. Моррисон «Милосердие» / Е. Г. Маслова // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: право, философия, история, лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. IX / ред. кол.: Л. И. Савинов [и др.]. – Саранск, 2009. – С. 144-150.
 10. Маслова, Е. Г. Элементы «магического реализма» в ранней прозе Т. Моррисон / Е. Г. Маслова // Актуальные проблемы филологии и журналистики: материалы XIV науч. конф. молодых ученых Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2010. – С. 179-182.